

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Беседа о великом каноне,
произнесенная в Иерусалиме перед
русскими паломниками на повечерии
четвертка 1-й седмицы Великого
поста 11 февр.1882 г.

Опубликовано:
Христианское чтение. 1883. № 3-4. С. 297-307.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Беседа о великомъ канонѣ, произнесенная въ Иерусалимѣ
передъ русскими поклонниками на повечеріи четвертка 1-й
седмицы в. поста, 11 февраля 1882 г.

Четыре дня сряду съ мѣста сего слухъ вашъ оглашался чтеніемъ *великаго канона*, избраннаго и заповѣданнаго въ настоящіе дни св. церковію къ непрежѣнному исполненію въ назиданіе и предпочищеніе кающимся, готовящимся къ великому таинству—чувственному общенію съ Богомъ. Вамъ слышалось долгое чтеніе (а слѣдовало бы быть ему пѣніемъ), прерываемое частымъ молитвеннымъ припѣвомъ: *помилуй мя Боже, помилуй мя* и изрѣдка протяженнымъ пѣніемъ особыхъ пѣсней, которыя на языкѣ церковномъ зовутся *ирмосами*. Ихъ всѣхъ числомъ 9. Ими дѣлится все чтеніе на девять частей, по ирмосамъ названныхъ *пѣснями*. Такое девятипѣсенное сложеніе церковное и есть канонъ. *Канонъ* (κάνων)—слово греческое, означающее: правило, образецъ, заповѣдь, опредѣленіе... Въ настоящемъ случаѣ имъ означается стихотворное сочиненіе, составленное по извѣстному правилу или образцу. Симвъ образцомъ для каждой изъ 9-ти пѣсней служатъ ирмосы ея, на который своимъ составомъ, т. е. почти исключительно слоговою мѣрою, и похожъ каждый изъ мелкихъ отдѣловъ ея или *тропарей*. Вотъ что такое вообще канонъ. *Великій канонъ* есть тотъ, въ которомъ количество тропарей далеко превышаетъ число 4, принятое за правило для обыкновенныхъ канонныхъ. И точно, въ только что оконченномъ нами чтеніи въ иныхъ пѣсняхъ оно доходитъ до 30 и болѣе.

Зная теперь, что такое вообще канонъ и что—канонъ великій, любопытствуемъ узнать, откуда взялись въ церкви такого

рода пѣсенныя сложенія. Звать это намъ съ вами, христілюбцы-соотечественники, не только не мѣшаетъ, но какъ бы весьма встаети. Мы находимся тутъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ получило свое начало все христіанское богослуженіе, разнесшееся отсюда вмѣстѣ съ святою вѣрою нашею до послѣднихъ предѣловъ земли. Въ Евангеліи говорится, что наканунѣ величайшаго дня кончины Христовой Господь нашъ, совершивъ съ учениками своими тайную вечерю, *воспѣше*, сказано, *изыдоша въ гору Елеонскую*. Тайная вечеря, какъ извѣстно всякому, послужила началомъ, основаніемъ, существомъ такъ сказать всего христіанскаго богослуженія на всю безконечность вѣковъ. Совершеніе ея, какъ мы видимъ изъ сего, сопровождалось такимъ образомъ пѣніемъ. Пѣль вмѣстѣ съ апостолами и самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Достаточно сказать это, чтобы проникнуться глубокимъ умиленіемъ. Что же пѣто было Имъ на прощаніе съ нашимъ міромъ многоплачевнымъ? Положительно не знаемъ чтѣ, но есть полная возможность думать и утверждать, что пѣты были *псалмы* богоотца Давида. Книга псалмовъ или проще *Псалтирь* во временахъ Евангелія имѣла уже богослужебное значеніе у евреевъ. На это указываетъ самый распорядокъ псалмовъ ея и многое другое, о чемъ не мѣсто говорить здѣсь. Христіанская церковь, смѣнившая іудейскую, приняла отъ нея богохвалебную книгу ея въ руководство и какъ бы прямо за основаніе всѣхъ своихъ молитвословій общественныхъ и частныхъ. Надобно думать, что первоначально подъ нарочито празднуемые, напр. воскресные, дни, когда совершалась всенародно воспоминательная вечеря по заповѣди Господней: *сіе творите въ Мое воспоминаніе*, вѣрующіе время тѣхъ, пламенѣвшіе любовію и преданностію къ Господу, готовясь къ таинству причащенія, собирались на условленное мѣсто, коимъ здѣсь въ Іерусалимѣ безъ сомнѣнія служила столько извѣстная всѣмъ вамъ сіонская горница, и проводили всю ночь безъ сна въ богохвалебныхъ пѣснословіяхъ. Имѣя же готовые и общаемъ освященныя, съ славнымъ и дорогимъ именемъ Давида царя, пригодныя для того пѣсни, процѣвали въ теченіе ночи всю Псалтирь отъ перваго псалма до послѣдняго, а именно съ самой

минуты заходенія солнца, кою по древнему счету суточного времени оканчивался минувшій и начинался грядущій день, начинали пѣть или всѣмъ обществомъ или избраннымъ хоромъ псаломъ: *Блаженъ мужъ, иже не иде на советъ нечестивыхъ...* Свидѣтельствомъ такого обычая можетъ служить и нынѣшній порядокъ всенощныхъ бдѣній, начинающихся неизмѣнно тѣмъ же псалмомъ и не только единичнымъ псалмомъ, а цѣлымъ рядомъ ихъ или всею первою каеизмою, что особенно достопримѣчательно. Къ полночи богохвалебники вѣроятно допѣвали до 118 псалма или 17-й каеизмы, которая до сихъ поръ остается приуроченною церковнымъ уставомъ къ полунощницѣ. Пѣніемъ остальныхъ псалмовъ или трехъ каеизмъ долженъ былъ наполняться молитвенный промежутокъ отъ полночи до разсвѣта. Остаткомъ сего можно считать составъ нынѣшняго нашего *полвелея*.

Но, несомнѣнно, времени оставалось гораздо болѣе, чѣмъ урочныхъ пѣснопѣній. Нужно было чѣмъ нибудь наполнить его. На сей конецъ учредители богослужебныхъ собраній изъ круга тѣхъ же боговдохновенныхъ книгъ или *Библии* по нашему, къ коимъ принадлежитъ и Псалтирь, выбрали еще нѣсколько подходящихъ къ ея духу и содержанию богохвалебныхъ мѣстъ, воспѣтыхъ или восторженно произнесенныхъ святыми людьми ветхата завѣта. Такихъ мѣстъ отыскалось 8. Ихъ назвали *пѣснями* и пѣли одну за другою вслѣдъ за псалмами Давидовыми. И съ ними великій канонъ даетъ намъ случай познакомиться ближе, а мѣсто, гдѣ мы съ вами находимся, какъ бы прямо вызываетъ къ тому. *Первая* пѣснь воспѣта была рабомъ божіимъ Моисеемъ, величайшимъ изъ мужей ветхозавѣтныхъ, по великомъ и преславному событіи — чудесномъ переходѣ народа еврейскаго черезъ Черное море. Происходило это далеко отсюда у Синая, куда не мало васъ боголюбцевъ отправляется отсюда ежегодно на поклоненіе. *Вторую* пѣснь воспѣлъ тотъ же боговидецъ Моисей передъ своею смертію въ виду земли обѣтованной на одной изъ высокихъ горъ, видимыхъ и отсюда за Иорданомъ. Послея же прощальная пѣснь сія святаго человека исполнена жалобъ, упрековъ и угрозъ народу жестокосердечному и забывчивому, которымъ онъ управлялъ цѣлыя 40 лѣтъ, и на-

правлена къ цѣли заставить его образумиться и покаяться, то св. церковь съ давнихъ временъ исключила ее изъ ряда праздничныхъ молитвословій своихъ и приурочила ко днямъ общественнаго покаянія, т. е. къ великому посту, въ теченіе котораго мы дѣйствительно и слышимъ ее нерѣдко. *Третію* пѣснь воспѣла боголюбивая жена ветхаго завѣта, праведная Анна, мать великаго Самуила, когда посвящала Богу своего сына, по молитвѣ ею зачатого. Мѣстомъ сего дѣйствія ея была скинія свидѣнія, стоявшая тогда въ Силоѣ, на день пути отсюда къ сѣверу, немного въ сторону отъ предстоящей вамъ дороги въ Галилею. *Четвертая* пѣснь или болѣе молитва воспѣта была пророкомъ Аввакумомъ, коего поле въ средніе вѣка указывалось къ югу отсюда въ окрестностяхъ монастыря св. пророка Іліи. Ничто не препятствуетъ принять, что тамъ излилась изъ устъ его и сія четвертая изъ пѣсней нашего всенощнаго или точнѣе утренняго богослуженія, принятая церковію за пророчество объ имѣвшемъ быть истощаніи Божества въ образъ человѣка. *Пятая* пѣснь взята изъ пророчествъ Ісаіи, и относится къ свѣту евангелія, просіявшаго изъ обрядоваго или *стѣновнаго* закона какъ бы изъ мрака ночи, и, какъ можно гадать, къ совпадающему по времени началу свѣтанія дня. *Шестую* пѣснь пречудно и для ума человѣческаго невмѣстимо воспѣлъ во чревѣ китовомъ пророкъ Іона — прообразъ воскресенія Христова и будущей жизни. Мѣсто, гдѣ китъ изрыгнулъ славословящаго пророка на землю, указывается по близости города Бейрута и многими благоговѣнно посѣщается. *Седьмая* и *осьмая* пѣсни объ возглашены были не менѣе чудно, чѣмъ и шестая, только не въ пучинѣ водной какъ та, а въ пламени огня. Первую изъ нихъ воспѣлъ ветхозавѣтный мученикъ Азарія, одинъ изъ трехъ преславныхъ отроковъ вавилонскихъ, вверженныхъ въ пещь огненную, когда увидѣлъ, что страшная стихія пожирала далеко стоявшихъ мучителей, а ихъ даже не коснулась. Вторую пропѣли всѣ три отрока единогласно, когда замѣтили, что въ средѣ ихъ очутился нѣкто четвертый, невѣдомый, въ которомъ богомысліе не обинуясь видитъ Самого Творца стихій, уже начинавшаго открываться міру въ предустановленномъ образѣ, *яко Сына человѣча*

(Дан. VII, 13). Завершеніємъ сихъ осьми пѣсней, исполнѣ имъ соотвѣтствующимъ, св. церковь установила быть *девятой*, на рубежѣ двухъ завѣтовъ тайноводственно возглашенной, *пѣсни Богородицы*, изнесенной вдохновенными устами Приснодѣвы-Матери при встрѣчѣ Ея съ праведной Елисаветой въ столь всѣмъ намъ дорогой и близкой Горней: Тамъ же и духодвижимый Захарія, отецъ Предтечи и Крестителя Христова, привѣтствуя явленіе на свѣтъ „большаго въ рожденныхъ женами“, закончилъ такъ сказать пѣснь своей юзяки Богоотроковицы и своимъ восторженнымъ богохваленіемъ, которое зовется иногда *десятою* пѣснію.

Таково было добавочное къ Псалтири пѣснопѣніе первенствующихъ временъ церкви, совершавшей свое общественное богослуженіе. Въ такомъ составѣ и переписывалась тогда для церковнаго употребленія книга псалмовъ, какъ свидѣтельствуется о томъ множество сохранившихся до нашихъ дней древнихъ списковъ ея. Въ такомъ же видѣ она печатно издается и въ наше время. Однако же съ теченіемъ времени, когда большинство христіанъ перестало состоять изъ евреевъ, когда Духъ Божій, глашавшій устами Давида и другихъ пѣснотворцевъ ветхозавѣтныхъ, открылъ живую струю вдохновенія въ сердцахъ и всѣхъ вѣрующихъ—*эллиновъ же и варваровъ* и когда новыя преславныя чудеса Евангелія и дальнѣйшей исторіи христіанской невольно влекли къ себѣ мысль и чувство молившихся паче давнихъ ветхозавѣтныхъ, богослужбное значеніе Псалтири и пророческихъ пѣсней стало умаляться. Въмѣсто пѣнія всѣхъ подъ рядъ псалмовъ выбирались для пѣнія на тотъ или другой случай уже только нѣкоторые, наиболѣе подходящіе къ нему. Въмѣнъ того стали появляться пѣсенныя сложенія уже исполнѣ христіанскаго значенія, таковы: *трисвятное, великое слазословіе, антифоны, припѣвы, стихиры, тропари*. Пѣніе прерывалось по временамъ чтеніемъ, молитвословіемъ и устнымъ поученіемъ предстоятелей и совершителей таинъ Божіихъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ и упомянутыя нами восемь пѣсней также измѣнили совершенно свой видъ и составъ. Счетъ и именованіе ихъ остались, но все содержаніе стало иное,—взятое изъ событій новозавѣтныхъ временъ. Сіи-то, болѣе благопотребныя для насъ об-

разомъ переначенныя и ближе къ намъ приспособленныя новыя пѣсни и составляютъ то, что на богослужебномъ языкѣ зовется *канонами*, составившимъ со времени великаго и славнаго пѣснопisca Іоанна изъ Дамаска или Дамаскина (тоже, какъ и мы, святоградца, обитавшаго въ извѣстной всѣмъ намъ лаврѣ св. Саввы) важнѣйшую часть нашихъ всеобщихъ или утреннихъ богохвалебныхъ пѣній до того, что теперь безъ канона, а иногда двухъ и трехъ вмѣстѣ у насъ и не бываетъ утрени. Имена *Моисея*, пророчицы *Анны*, пророковъ *Авакума*, *Исаи*, *Іоны*, *Даніила* съ *тремя отроками* хотя и слышатся еще изрѣдка въ ямосахъ сихъ каноновъ, но все неисчислимое множество пѣсенныхъ тропарей канона уже не имѣетъ ничего съ ними общаго. Только одна девятая *пѣснь Богородицы* поется дословно вся.

Подражателемъ перваго творца каноновъ св. *Іоанна Дамаскина* былъ и памятный намъ по заповѣду „преподобный отецъ *Андрей*“, впоследствии архіепископъ критскій, тоже временный обыватель Іерусалима, какъ и мы. Извѣстно не мало его девятипѣсенныхъ каноновъ и трипѣсенцевъ преимущественно на дни великой седмицы. Но славу его составилъ такъ называемый великій покаянный канонъ, который мы и выслушали весь въ раздробь въ сіи 4 дня и еще будемъ слушать въ цѣльномъ послѣдованіи на 5-й седмицѣ в. поста. Онъ также раздѣленъ на девять пѣсней въ подражаніе древнѣйшему чину церковныхъ пѣснопѣній, но, вмѣстѣ со всѣми канонами отличаясь отъ тѣхъ своимъ содержаніемъ, онъ въ тоже время рѣзко отличается и отъ сихъ послѣднихъ тѣмъ, что не приуроченъ строго къ какому либо празднуемому лицу, событію, мѣсту и т. д. Пѣснописецъ весь проникнутъ былъ *покаянною* мыслію, хотя, смѣемъ думать, менѣе всѣхъ или множества другихъ имѣлъ поводъ каяться. Человѣкъ обширнаго ума и образованія не ставилъ своему боголюбивому духу предѣлами свою личность и, когда самоукорительно обращался къ душѣ своей, имѣлъ въ виду душу всякаго, общую, человѣческую, во грѣсѣхъ раждаемую, по признанію всемірнаго учителя покаянія, грѣхоблюбивую и во грѣхахъ часто застигаемую смертною минутою. Принадлежа самъ къ славной умомъ и заблужденіями, доблестями и

грѣхами народности (греческой), онъ зналъ конечно изъ научнаго круга (τῆς κοινῆς παιδείας) свѣденій „отвнѣ“ тысячи подходящихъ къ его мысленной задачѣ примѣровъ, но полный духовнаго чувства и такта не вышелъ изъ своего положенія христіанскаго пастыря и ограничилъ кругозоръ свой одною, называемою „священною“, исторіей, болѣе или менѣе извѣстною всякому вѣрующему.

Гдѣ же сей „рыбарь-богословецъ“, ловящій историческіе уроки грѣха и покаянія, бросилъ первѣе всего свѣтъ своего плачевнаго пѣснопѣнія? На самой первой такъ сказать страницѣ бытописанія человѣческаго, какъ оно передается словомъ Божиимъ. *Первозданный Адамъ* у него есть и первый грѣшникъ, ни во что вѣнчившій заповѣдь Божию. Что тотъ былъ и первый покаянный говѣльщикъ предъ Богомъ, общее, всечеловѣческое чувство готово признать это несомнѣннымъ, но слово Божіе не даетъ сего желаннаго свидѣтельства о немъ. Напротивъ ссылка его на жену, введшую его въ грѣхъ и данную ему Самимъ же Богомъ, судя по ходу нашего нынѣшняго летучаго раскаянія, говоритъ какъ бы объ его нераскаянности. Такимъ оставляетъ прародителя своего (и нашего) въ своемъ перечнѣ библейскихъ уроковъ и осторожный пѣснописецъ нашъ, прибавляя какъ бы совѣмъ холодно и безучастно только одно: *достойно изъ Едема изманъ бысть*. Такъ же строго и безъ сожалѣнія онъ относится и къ *первой Евѣ*. И видѣла она змѣю, и уязвилася горько, и вкусила дерзостно... И чего вкусила? *Безсловесныя снѣди* т. е. пищи, пригодной для безсловесныхъ! Животныя безсловесныя, водясь инстинктомъ, вкушаютъ первое, что попадаетъ подъ ихъ пищенпріемный органъ. Такъ поступила и Ева. Но нѣтъ! Въ дѣйствіи оя выходитъ нѣчто худшее. Къ безсловесному спѣденію ее направилъ, увлекъ, толкнулъ страстный помысль, для котораго, какъ видно, нѣтъ оправданія, ни извиненія, ни самаго жалѣнія на судѣ нашего учителя покаянія. Онъ смотритъ на него очевидно какъ на вопіющую несообразность. И мысль и страсть, т. е. какъ бы и мысль и не мысль—вмѣстѣ! Возможно ли это? Между тѣмъ такое состояніе душевное есть общее и обыденное явленіе въ человѣчествѣ. Въ семь помыслѣ страстномъ или короче въ страсти видитъ пѣвецъ нашъ какъ бы

безконечное продолженіе въ насъ нашей праматери, которую по сему случаю онъ и именуетъ *первою Евою*. И въ самомъ дѣлѣ, не тотъ же ли самый безсмысленный помысль—разнообразный до безконечности—обуреваетъ и насъ—ея потомство ежедневно, который подвинулъ ея неискушенную руку къ преступленію. Умъ, совѣсть, наука, опытъ, общій голосъ, совѣты, мольбы, угрозы—все нерѣдко идетъ и ополчается противъ запавшаго въ сердце помысла, но на то онъ и *страстный* помысль, чтобы не внимать ничему и въ концѣ концовъ направить руку *мысленной Евы* къ древу—если смѣемъ такъ выразиться—забвенія добра и зла! Неуголимый сей врагъ покаянія и споспѣшникъ грѣха—страстный помысль и выступаетъ, какъ говорится, на первый планъ въ живописующей покаянной пѣсни святаго мужа, и, можно сказать, сквозить во всѣхъ ея, болѣе чѣмъ двухъ стахъ, отдѣлахъ. Остановимся и мы на его непривлекательномъ облигѣ.

Будемъ, яко бози... думаютъ первые люди, еще такъ мало зная, что такое Богъ и что человекъ. Тысяча вещей могла занимать ихъ и отвлекать мысль ихъ отъ запретнаго предмета, и сего простаго древа, пусть и красиваго на видъ! Не шло же оно за ними, не звало ихъ къ себѣ, не держало у себя, но... *будете яко бози...* этой мысли ничѣмъ не могли они отогнать отъ себя. подчинились ей, отдались, овладѣлись ею, обезпамятѣли, обезумѣли, еще минута и... сдѣлались преступниками. Будь на мѣстѣ ихъ неразумное животное съ яростно-неудержимыми порывами, по минованіи припадка похоти оно забыло бы обо всемъ. Но то были люди! Куда бы они не пошли, чѣмъ бы они ни занялись, имъ неотступно присущъ былъ ихъ погибельный помысль. Имъ нужно было бороться съ нимъ, ослабить его, подавить, отстранить, замѣнить, осмыслить наконецъ, если бы не удалось ничто другое. На что же и даны человеку разумъ, чувство, память, стыдливость, боязливость и пр.? Такъ конечно рассуждалъ и богомысленный писатель великаго канона. Обнимая взоромъ своимъ всѣ горькія послѣдствія преобладанія въ естествѣ нашемъ страстныхъ помысловъ, наслѣдованныхъ нами отъ нашихъ прародителей, онъ не нашелъ умѣстнымъ, какъ мы уже и сказали, почтить память ихъ словомъ

жалѣнія. Въ самомъ дѣлѣ положимъ, что ихъ наталкивало на грѣхъ искусительное желаніе знать все, что знаетъ Богъ,—вещь хотя дерзкая, но не безумная. Сына ихъ *Каина* что побудило убить брата? Одинъ завидливый помысль, что тотъ лучше его! Видите, какъ быстро сталъ опускаться и умаляться духъ человѣка! Тѣ позавидовали Богу, а этотъ завидуетъ уже подобному себѣ! А правнучъ *Каиновъ* ревнуетъ повидимому уже безсловеснымъ животнымъ. Страстный помысль заставляетъ его взять себѣ двухъ жёнъ и держать ихъ на положеніи почти рабочаго скота. Запугивая ихъ, *Ламехъ* грозитъ имъ своею безнаказанностію, и хвалится предъ ними своими убійствами! Вотъ куда зашла—и такъ скоро!—наша „мысленная Ева“! Ко днямъ *Ноя* уже всякъ помышлялъ въ сердцѣ своемъ на злая во вся дни (Быт. VI, 3—5), по свидѣтельству слова Божія. Самъ потопъ не потушилъ въ людяхъ страстнаго пламени, раздуваемаго помышленіемъ на злая. Вспомнимъ *содомлянъ*, или нѣтъ... лучше забудемъ ихъ! Что какъ не тотъ же безотвязный страстный помысль заставилъ и братьевъ прекраснаго *Іосифа* продать въ неволю на чужбину своего единокровнаго, ни въ чемъ неповиннаго, и изъ-за чего? Изъ-за разноцвѣтной одежды. А *Давидъ*? А *Авессаломъ*? А самъ *Соломонъ чудный и благодати премудрости исполненный*, и за нимъ цѣлый рядъ царей, не знавшихъ предѣла похотямъ сердца своего, отъ упornaго *Ровама* до ласкосердаго злодѣя *Ирода*? Что все это, какъ не рабы неключимые своихъ помысловъ, поражаемыхъ и управляемыхъ то тою, то другою страстію?

Приведши по примѣру блаженнаго пѣнописца вамъ, внемлющіе боголюбцы, нѣчто изъ *Моисеева міробытія* и (ветхо)-заветнаго *Писанія*, удерживаемся приводить и *указанія Новаго Писанія*, считая это излишнимъ по короткому отъ юныхъ лѣтъ вашему знакомству съ Евангеліемъ. Злострастный помысль завистниковъ и ненавистниковъ Христовыхъ осудилъ на смерть и позорно вознесъ на крестъ Того, на Кого очи всѣхъ въ завѣтъ ветхомъ уповали... Довольно сего — въ вѣчный урокъ и намъ, и вамъ и всему человѣчеству!

На прощанье какъ бы съ учительною книгою, вызвавшей насъ

на настоящее собесѣдованіе, хотѣлось бы спросить ее: какъ же замѣтить, узнать, отличить достойно укоряемый ею страстный помысль? Въ словѣ Божіемъ упоминается о *помыслахъ многихъ, злыхъ, суетныхъ, сомнящихся, осуждающихъ, отвѣщающихъ*... Не можетъ же быть, чтобы между ними не было и добрыхъ, которые иногда съ такою же силою, пастойчивостію и убѣдительностію овладѣваютъ душею, какъ и злые, — до того, что человѣкъ подъ внушеніемъ и напоромъ ихъ тоже бываетъ какъ бы самъ не свой и дѣйствуетъ уже не по разсужденію, а по нѣкому увлеченію, которое такъ близко къ страсти! Какъ есть невольныя увлеченія отъ пути праваго, такъ не неизвѣстны и вдругъ возникающія неодолимыя внушенія грѣшнику оставить путь грѣха. Гдѣ же признакъ, явно указывающій на то, что одинъ до страсти влеущій помысль есть благій, а другой — злой? Говоря о *первой Евы* (а сколько ихъ вторыхъ, десятыхъ, несчетно-численныхъ!), сегодняшній учитель нашъ намекаетъ, что ей помысль ея *показывалась сладкая*, а когда она склонилась на него, вышло *горькое напоеніе*. Хорошій конечно это признакъ обманчиваго влеченія, но онъ даетъ себя узнать слишкомъ, а иногда безвозвратно поздно. Остановиться и успокоиться на немъ значило бы продолжать порицаемое дѣло „первой Евы“. Но для того-то, любозудные, паче же богомудрые слушатели, и пишутся и поются (или по русскому обычаю — читаются) великіе и яные каноны, чтобы, имѣя такъ сказать передъ глазами чужіе примѣры „горькаго напоенія“, не довѣрять общаеюй своимъ помыслами „сладости“. Кромѣ подобнаго церковнаго назиданія совѣтуется обуреваемому страстнымъ помысломъ спрашивать мнѣнія людей духовно-опытныхъ, завѣдомо добросовѣстныхъ и безпристрастныхъ, — совѣтуется навѣкъ разсужденія, выбора, многократнаго, какъ мы выражаемся, примѣриванія, недовѣрія самому себѣ, смиренія, терпѣнія, послушанія, — совѣтуется память смертная, этотъ грозный непроглядный мракъ, до ослѣпленія ярко освѣщающій передъ нами всю тщету и суету нашей многотревожной жизни со всеми ея помыслами и замыслами, — совѣтуется дѣтски-довѣрчивая исповѣдь передъ отцомъ духовнымъ, не даромъ называемая врачевствомъ, — совѣтуется — въ крайнихъ

впрочемъ случаяхъ—вопрошеніе (весьма осторожное, чистосердечное и всеблаготворительное) воли Божіей жребіемъ, но конечно прежде всего и паче всего совѣтуется горячая молитва къ Подателю жизни и Промыслителю, а также по примѣру и уставу церкви всѣхъ временъ и мѣстъ прилѣжное обращеніе за помощію и вразумленіемъ къ избранной отъ всѣхъ родовъ человѣческихъ на то самое Божіей Матери, посредницѣ и споручницѣ мира, установившагося между землей и небомъ черезъ Ея преславное и предивное, *безъмемнаго зачатія рождество* *несказанное*. Аминь.

А. А.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки